

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА



**МУЖЧИНА,
КОТОРОГО Я ХОТЕЛА
УНИЧТОЖИТЬ**

18+

Александра Ветрова

**Мужчина, которого
я хотела уничтожить**

«Автор»

2026

Ветрова А.

Мужчина, которого я хотела уничтожить / А. Ветрова —
«Автор», 2026

Он держит меня рядом, как держат опасного зверя на коротком поводке. Но чем дольше я рядом, тем сильнее запутываюсь. Тем яснее вижу: правда, в которую я верила, была ложью. А человек, которого я ненавидела, возможно, единственный, кто пытался меня спасти. Между нами вспыхивает страсть, которую я не могу — и не хочу — контролировать. Его прикосновения обжигают. Его власть над моим телом пугает. И когда я думаю, что готова его уничтожить, он смотрит на меня так, словно я — единственное, что имеет значение.

Александра Ветрова

Мужчина, которого я хотела уничтожить

Глава 1. Столкновение

Пять лет. Ровно пять лет, два месяца и одиннадцать дней.

Ева Крылова, теперь известная в узких деловых кругах как Ева Вершинина, стояла перед зеркалом в ванной своего съёмного пентхауса на Ленинском проспекте и смотрела на незнакомку. Незнакомка была безупречна. Дорогой брючный костюм цвета мокрого асфальта сидел идеально, подчёркивая стройную фигуру. Волосы, выкрашенные в платиновый блонд, собраны в гладкий, без единой выбившейся пряди, пучок. Макияж — холодный, отстранённый: стрелки, графичные брови, матовая помада оттенка «пыльная роза». Ни одной лишней эмоции на лице. Ни одной трещины в броне.

Ева провела подушечками пальцев по прохладной поверхности зеркала, словно пытаясь стереть отражение, добраться до той девушки, которой она была когда-то. Та девушка смеялась, не пряча глаз, носила лёгкие платья и верила, что мир — это огромный, добрый дом, где для неё всегда найдётся место. Та девушка умерла в тот день, когда её отца, Михаила Крылова, увели из офиса в наручниках, а их фамилия стала синонимом позора и предательства.

И во всём этом был виноват он. Александр Воронцов.

Имя, как кислота, обожгло горло. Она произносила его шёпотом в пустой квартире, когда ярость и бессилие грозили разорвать грудную клетку. Она писала его на запотевшем стекле душевой кабины, рисуя рядом с ним перечёркнутый крест. Это имя стало её молитвой и её проклятием. Ради того, чтобы увидеть, как этот человек потеряет всё так же, как когда-то потеряла она, Ева переступила через себя. Она сменила имя, создала с нуля репутацию гениального финансового аналитика, обзавелась связями в теневых структурах и разработала план, каждый пункт которого был отточен, как лезвие бритвы.

И вот сегодня, в понедельник, 15-го апреля, в 9:00 утра её план должен был войти в решающую стадию. Она получила должность ведущего специалиста в отделе стратегического развития холдинга «Воронцов Капитал». Её резюме было безупречным, рекомендации — безукоризненными. Он не должен был ничего заподозрить. Она была для него просто ещё одной амбициозной соискательницей, одной из сотен.

Ева глубоко вздохнула, втягивая воздух через нос, и медленно выдохнула через приоткрытые губы. Пора. Она взяла с мраморной столешницы ключи от арендованного «Ауди» и вышла из квартиры, не оглядываясь.

Офис «Воронцов Капитал» занимал последние пятнадцать этажей стеклянного небоскрёба в «Москва-Сити». Это было воплощение холодной, безжалостной роскоши. Панорамные окна, отражающие свинцовое апрельское небо, полированный гранит, хром и стекло. Воздух здесь был наэлектризован амбициями и запахом дорогого парфюма. Ева вошла в лифт, нажала кнопку сорок второго этажа и, когда двери бесшумно сомкнулись, позволила себе на долю секунды прикрыть глаза. Сердце билось ровно, как метроном.

Она была готова.

Приёмная отдела стратегического развития встретила её гулом голосов и стуком клавиатур. Её встретила секретарь, улыбочивая шатенка с безупречным маникюром, и проводила до кабинета начальника отдела, Вадима Соколова — полноватого мужчины с добродушным лицом и цепким взглядом.

— Ева Андреевна, рад приветствовать! — он пожал ей руку, жестом приглашая присесть. — Наслышан о ваших успехах в «Синергии». Впечатляющие показатели.

— Благодарю, Вадим Петрович, — ответила Ева, садясь в кресло и складывая руки на коленях. — Надеюсь, мой опыт будет полезен и здесь.

Разговор шёл легко и непринуждённо. Соколов рассказывал о структуре компании, о текущих проектах, о корпоративной культуре. Ева кивала, задавала уточняющие вопросы, демонстрируя глубокое понимание рынка. Она играла свою роль безупречно. Внутри же не было ничего, кроме ледяного спокойствия и странного, звенящего чувства, будто она стоит на краю пропасти.

— ...А вот и сам Александр Дмитриевич! — внезапно воскликнул Соколов, поднимаясь с места. — Лёгко на помине. Александр Дмитриевич, позвольте представить нашего нового сотрудника, Ева Вершинина.

Ева медленно повернула голову. Время, казалось, остановилось, а потом сорвалось вниз, как с обрыва.

Он стоял в дверном проёме. Высокий, широкоплечий, в идеально скроенном тёмно-синем костюме. Тёмные волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб. Черты лица — резкие, волевые, словно высеченные из камня. Но глаза... Глаза были такими же, как в её кошмарах. Тёмносерые, почти графитовые, с тяжёлыми веками. Они смотрели на неё, и в них не было ни удивления, ни любопытства. Только холодное, всепоглощающее узнавание.

Александр Воронцов вошёл в кабинет, и воздух вокруг него словно сгустился. Он не смотрел на Соколова. Его взгляд был прикован к Еве, и она чувствовала его физически — как давление, как прикосновение, как удар.

— Ева... Вершинина, — произнёс он медленно, смакуя каждое слово. Его голос был глубоким, низким, с бархатистой хрипотцой, которая когда-то сводила её с ума. Теперь этот голос вызывал лишь тошноту и животный, первобытный страх. — Интересная фамилия.

Ева поднялась, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза. Она должна была выдержать. Она готовилась к этому моменту пять лет.

— Александр Дмитриевич, — она кивнула, надеясь, что её голос звучит ровно. — Для меня большая честь работать в вашей компании.

Он сделал шаг вперёд. И ещё один. Теперь между ними было всего полтора метра. Она чувствовала его запах — сандал, кедр и что-то ещё, неуловимое, терпкое, что было только его. Запах власти. Запах человека, который разрушил её жизнь.

— Большая честь, — повторил он, и уголок его губ едва заметно дрогнул. — Что ж, посмотрим, насколько вы хороши, Ева.

Андреевна, — он выделил её отчество с лёгкой, почти неуловимой насмешкой. — Соколов, — он наконец оторвал от неё взгляд и повернулся к начальнику отдела, — подготовьте для Евы Андреевны рабочее место. И передайте ей все материалы по проекту «Феникс». Она будет курировать его вместе со мной.

Соколов удивлённо поднял брови, но тут же кивнул.

— Конечно, Александр Дмитриевич. Всё будет сделано.

Воронцов ещё раз посмотрел на Еву. В его взгляде промелькнуло что-то опасное, что-то, от чего у неё подкосились колени. Это была не просто игра. Это была охота. И она, Ева Крылова, была дичью, которая сама пришла в логово хищника.

— Добро пожаловать в мою компанию, Ева, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Я ждал тебя.

Он развернулся и вышел, оставив после себя вакуум, который немедленно заполнился гулом крови в её ушах. Ева стояла, не в силах пошевелиться, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику. Он знал. Он узнал её с первого взгляда. План, который она вынашивала пять лет, рассыпался в прах в первые же пять минут.

Но в этом прахе уже разгоралось новое, яростное пламя. Если он знает — что ж, тем интереснее. Она не отступит. Она не сбежит. Она уничтожит его. Даже если для этого ей придётся сгореть самой.

Ева медленно села обратно в кресло, чувствуя, как подгибаются ноги. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Она провела ладонью по лицу, стирая несуществующую испарину.

— Ева Андреевна, вы в порядке? — участливо спросил Соколов, глядя на её побледневшее лицо. — Александр Дмитриевич произвёл впечатление? Он у нас... человек-скала. Но справедливый.

— Да, — выдавила она из себя улыбку, которая больше походила на гримасу. — Всё в порядке. Просто... сам основатель. Это волнительно.

Соколов понимающе кивнул и принялся что-то искать в ящиках стола. Ева же смотрела в окно, на серое, тяжёлое небо Москвы, и в её голове билась одна единственная мысль: «Он знает. Он знает. Он знает».

В этот момент дверь кабинета снова открылась, и на пороге появилась высокая, элегантная брюнетка в узком красном платье. Она окинула Еву оценивающим взглядом, и на её губах расцвела холодная, презрительная улыбка.

— Вадим Петрович, — промурлыкала она, игнорируя Еву, — Александр Дмитриевич просил передать, чтобы вы немедленно занялись размещением нового сотрудника. И ещё... — она сделала паузу, наслаждаясь моментом, — он приглашает вас, Ева Андреевна, на ужин сегодня вечером. В «Турандот». В восемь.

Соколов поперхнулся воздухом. Брюнетка смотрела на Еву с неприкрытой враждебностью.

Ева медленно поднялась. Внутри всё сжалось в тугой комок, но внешне она оставалась спокойной. Она не знала, что задумал Воронцов. Но она примет его вызов. Она придёт на этот ужин. И, возможно, именно там, за бокалом вина, она начнёт свой путь к его уничтожению. Или к собственному.

— Передайте Александру Дмитриевичу, — сказала Ева ровным, почти ледяным тоном, — что я буду ровно в восемь.

Брюнетка сузила глаза, но ничего не сказала. Развернулась на каблуках и вышла, оставив после себя шлейф тяжёлого, приторного парфюма.

Ева снова осталась одна. Впереди был день, полный работы, и вечер, который мог изменить всё. Она подошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. Где-то там, внизу, кипела жизнь. А здесь, на сорок втором этаже, решалась её судьба.

«Я приду, Воронцов, — прошептала она, глядя на своё отражение в тёмном стекле. — Я приду. И ты пожалеешь о том дне, когда решил оставить меня рядом с собой».

В её отражении больше не было той напуганной девушки. Была женщина, готовая на всё. И эта женщина уже предвкушала свою месть.

Глава 2. Ужин, который изменил всё

«Турандот» встретил её тяжёлым золотом люстр, изысканным ароматом пряностей и приглушённым гулом голосов тех, кто привык решать судьбы за десертом. Ева вошла ровно в восемь, и метрдотель, окинув её оценивающим взглядом, тут же проводил к столику у панорамного окна.

Александр уже ждал. Он сидел вполоборота, расслабленно откинувшись на спинку кресла, с бокалом чего-то янтарного в руке. Увидев её, он не встал — лишь медленно, с ленивой грацией хищника, повернул голову.

— Пунктуальность, — произнёс он, и в его низком голосе звучала едва уловимая насмешка. — Похвально. Хотя я почему-то не сомневался, что ты придёшь.

Ева опустилась в кресло напротив, чувствуя, как под его взглядом её тело предательски реагирует — где-то внизу живота разливается тепло, которое она ненавидела всей душой. Она надела простое, но безупречное чёрное платье с глубоким, но целомудренным вырезом.

Ничего вызывающего. Но под этим

взглядом она чувствовала себя обнажённой.

— Вы пригласили — я пришла, — ответила она ровно, разворачивая салфетку на коленях. — Не хотелось показаться невежливой в первый же день.

— Невежливой, — повторил он, и уголок его губ дрогнул. — Ева, давай сразу расставим всё по местам. Мы оба знаем, что ты здесь не ради карьерного роста в моей компании. И я знаю, что ты знаешь, что я это знаю. Так что предлагаю опустить прелюдию.

Она замерла. Сердце ударило куда-то в рёбра, но лицо осталось непроницаемым. Официант бесшумно возник рядом, принимая заказ — она выбрала первое, что пришло в голову, даже не взглянув в меню.

— Не понимаю, о чём вы, — сказала она, когда официант удалился. — Я всего лишь хочу работать.

— Работать, — Воронцов сделал глоток из бокала, и его кадык медленно поднялся и опустился. — Ева Крылова хочет работать в компании человека, который, по её мнению, уничтожил её семью. Это либо невероятная глупость, либо невероятная смелость.

Услышав свою настоящую фамилию из его уст, она вздрогнула. Это было как удар хлыстом — резко и обжигающе. Пять лет она не слышала её от посторонних. Пять лет она была Вершининой.

— Значит, вы всё-таки узнали меня, — произнесла она, и голос её стал ниже, жёстче. Маска начала сползать, и это было опасно. — Что ж, не буду тратить время на отрицания. Вы правы. Я пришла не работать.

Воронцов отставил бокал и подался вперёд, опираясь локтями на стол. Теперь между ними было не больше полуметра. Его глаза, тёмные, как омут, впились в её лицо.

— Зачем? — спросил он тихо. — Чтобы убить меня? Подставить? Разрушить мою империю?

— Вы сами ответили на свой вопрос, — она встретила его взгляд, не отводя. — Вы забрали у меня всё. Отца, семью, будущее. Вы даже не представляете, через что мне пришлось пройти. Вы думали, это сойдёт вам с рук?

Он молчал, глядя на неё так пристально, что под этим взглядом становилось трудно дышать. А потом сделал то, чего она не ожидала. Он рассмеялся. Тихо, почти беззвучно, но в этом смехе не было ни капли веселья — только горечь и что-то ещё, похожее на усталость.

— Ева, — сказал он, отсмеявшись, — если бы ты знала правду, ты бы не сидела сейчас здесь и не смотрела на меня с такой ненавистью.

— Правду? — она прищурилась. — Какую правду? Что ваш человек пришёл в офис отца с обыском? Что вы присвоили его активы? Что вы сделали так, чтобы его осудили на десять лет?

— Твоего отца осудили за мошенничество, — перебил он жёстко. — За махинации с ценными бумагами, которые он проворачивал годами. Я не подставлял его.

Я лишь не стал покрывать.

— Ложь, — прошипела она. — Гладкая, отрепетированная ложь. Вы лжёте так же легко, как дышите.

— А ты так же легко веришь в то, что тебе сказали, — парировал он. — Тебя использовали, Ева. Кто-то очень грамотно направил твою ненависть в мою сторону. И ты, ослеплённая яростью, даже не потрудились проверить.

Официант принёс заказ, и на несколько секунд между ними возникла пауза, заполненная звоном приборов и тихим шёпотом соседних столиков. Ева смотрела на тарелку перед собой, но не видела её. В его словах было что-то, что заставляло задуматься, но она тут же отогнала эту мысль. Нет. Он манипулирует. Он всегда был мастером слова. Она не позволит ему снова себя обмануть.

— Если вы невиновны, — сказала она медленно, — почему вы не оправдались тогда? Почему позволили всем думать, что это вы?

Воронцов откинулся на спинку, и на его лице появилось выражение, которое она не смогла расшифровать. Что-то среднее между сожалением и расчётом.

— Потому что правда была бы хуже, — ответил он. — Для тебя. Для твоего отца. И для меня.

Он поднял руку, подзывая официанта, и заказал ещё бутылку вина. Когда она была открыта и налита, он поднял свой бокал.

— Предлагаю сделку, Ева.

Она напряглась. Вот оно. Она ждала этого с первой секунды.

— Какую? — спросила она, не прикасаясь к бокалу.

— Ты остаёшься в моей компании, — сказал он, глядя на неё поверх стекла. — Работает, как если бы действительно хотела здесь быть. Ищешь доказательства моих преступлений. Копаешь. Роёшь землю. Но при одном условии.

— Каком?

— Ты обещаешь, что не будешь действовать, пока не узнаешь всей правды. — Его голос стал тише, почти шёпотом. —

Я дам тебе доступ ко всему. К документам, к людям, к сделкам. Ты увидишь, как я работаю. И если после этого ты всё ещё захочешь меня уничтожить — что ж, попробуй.

Она смотрела на него, не веря своим ушам. Это было безумие. Абсолютное, чистейшее безумие. Он предлагал ей ключи от собственного королевства. Он либо играл в какую-то запрительно сложную игру, либо... либо в его словах действительно была правда, которую она так боялась услышать.

— Зачем вам это? — спросила она, и голос её дрогнул. — Зачем вы оставляете меня рядом? Я опасна для вас.

— Опасна, — согласился он, и в его глазах вспыхнуло что-то тёмное, голодное. — Но я предпочитаю держать врагов ближе, чем друзей. Особенно таких врагов, как ты.

Он поднялся, и она невольно поднялась следом. Он обошёл стол и остановился совсем рядом. Теперь она чувствовала тепло его тела, его запах — тот самый, сандаловый, терпкий, дурманящий. Он был так близко, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Ты дрожишь, — заметил он тихо, и его рука медленно, почти невесомо, коснулась её запястья. Пальцы обожгли кожу. Она хотела отстраниться, но не могла. Тело не слушалось.

— Не прикасайтесь ко мне, — прошептала она, но это прозвучало жалко. Как просьба, а не как приказ.

— Почему? — его голос был глубоким, вкрадчивым, и он наклонился ещё ниже, так, что его дыхание коснулось её щеки. — Ты ненавидишь меня, Ева. Но твоё тело помнит меня. Помнит, как я касался тебя тогда. Помнит, как ты дрожала подо мной.

— Замолчите, — выдохнула она, и в груди всё сжалось от боли и стыда. Он был прав. Проклятая память тела. Одна ночь, пять лет назад, до того, как всё рухнуло. Ночь, которую она пыталась забыть, но которая возвращалась к ней в самые тёмные часы.

— Я не забуду, — сказал он, и его палец медленно скользнул по её запястью, по внутренней стороне, где бился пульс. — И ты не забыла. Мы оба это знаем.

Он отпустил её руку и сделал шаг назад. Воздух вокруг них снова стал прохладным, но сердце Евы колотилось как сумасшедшее. Она чувствовала, как горит кожа на запястье, как будто он оставил там клеймо.

— Подумай над моим предложением, — сказал он, возвращаясь к своему креслу и доставая из кармана тонкую папку. — Здесь всё, что тебе нужно для начала. Контракт, доступы, пропуск. И... вот это.

Он протянул ей второй конверт. Она взяла его, чувствуя, как пальцы немеют.

— Что это?

— Копии документов по делу твоего отца, — ответил он, садясь и снова беря бокал. — Те, которые не попали в официальные материалы. Прочитай. Если захочешь поговорить — ты знаешь, где меня найти.

Ева сжала конверт в руке. Он был тонким, но тяжёлым, как сама судьба. Она не знала, что в нём. Но что-то подсказывало ей, что после того, как она его откроет, её жизнь уже не будет прежней.

— Я не верю вам, — сказала она, глядя на него сверху вниз. — Но я приму вашу сделку. Я буду играть по вашим правилам. Но если вы обманете меня снова...

— Ты убьёшь меня, — закончил он за неё, и в его глазах мелькнула тень улыбки. — Я знаю. И, честно говоря, я почти хочу посмотреть, как ты это сделаешь.

Она не ответила. Развернулась и пошла к выходу, чувствуя на себе его взгляд — обжигающий, как прикосновение. У самых дверей она остановилась и обернулась. Он смотрел на неё, не отрываясь, и в его тёмных глазах было что-то, от чего у неё перехватило дыхание.

— Почему вы не разоблачили меня? — спросила она через весь зал. — В первый же день. Вы могли меня уничтожить.

Он медленно поднялся, и официанты вокруг словно замерли. Он подошёл к ней, не торопясь, и остановился так близко, что она снова почувствовала его дыхание.

— Потому что, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она, — я хочу, чтобы ты сама увидела правду. И потому что... — он помолчал, и его рука снова нашла её ладонь, сжимая конверт вместе с её пальцами, — потому что я скучал по тебе, Ева. Даже когда ты меня ненавидела.

Он отпустил её и вернулся к столу. Ева вышла из ресторана, чувствуя, как апрельский ветер бьёт в разгорячённое лицо. Она шла по ночной Москве, не видя дороги, прижимая к груди конверт с документами и его слова, которые обжигали изнутри сильнее любого огня.

«Я скучал по тебе».

Она не знала, что было страшнее: его ложь или его правда. И что из этого уничтожит её быстрее.

Дома она открыла конверт. И, прочитав первую страницу, поняла, что её мир снова переворачивается. Только на этот раз — с ног на голову.

Глава 3. Трещины в броне

Ева просидела над конвертом всю ночь. К утру на журнальном столике выросла гора распечаток, исписанных мелким шрифтом, банковских выписок, копий писем и внутренних меморандумов. Кофе в чашке давно остыл, превратившись в тёмную, горькую жижу, но она не замечала ни вкуса, ни времени. Мир за окном менял цвета — от чернильно-чёрного к серому, потом к бледно-розовому, — а она всё читала и читала, и с каждой страницей стены её ненависти давали трещину.

Документы были подлинными. Она проверила. Номера счетов, подписи, печати — всё сходилось. И из этих страниц складывалась совсем другая история. История, в которой её отец, Михаил Крылов, был не жертвой, а архитектором собственного падения. Он действительно проворачивал махинации. Годами. Выводил деньги через подставные фирмы, оформлял фиктивные сделки, обманывал партнёров и инвесторов. Александр Воронцов не подставлял его. Александр Воронцов раскрыл его.

Но было и другое. То, что заставило Еву замереть на середине предложения и перечитать абзац трижды, не веря своим глазам. В одном из внутренних отчётов службы безопасности «Воронцов Капитал» чёрным по белому было написано: «Крылов М. А. действовал не самостоятельно. След ведёт к структурам, аффилированным с ГК „СтройИнвест“ и лично с П. А. Демидовым».

Демидов. Павел Андреевич Демидов. Человек, который был лучшим другом её отца. Крёстным её брата. Тем, кто поддерживал их семью после ареста, кто оплачивал адвокатов,

кто приезжал к её матери с соболезнованиями. Демидов, который после освобождения отца — досрочного, за примерное поведение, — предложил ему работу. Демидов, который всегда был рядом. Демидов, которому она доверяла.

Ева откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. В висках стучало. Внутри всё переворачивалось, и это ощущение было хуже любой физической боли. Если документы не лгали, то человек, которого она считала врагом, пытался остановить её отца. А человек, которого она считала другом, был тем, кто тянул за нити.

Она встала и подошла к окну. Город просыпался, равнодушный к её внутренней катастрофе. Трамваи звенели внизу, люди спешили на работу, мир жил своей обычной жизнью. А Ева стояла на пороге новой реальности, в которой всё, во что она верила пять лет, оказалось ложью.

«Почему он не сказал мне сразу?» — билась мысль. Но она знала ответ. Она бы не поверила. Она бы высмеяла его. Она была ослеплена ненавистью, и любой, кто попытался бы её разубедить, стал бы врагом.

К девяти утра она уже была в офисе. Умытая, собранная, в безупречном сером костюме и с непроницаемым лицом. Никто не догадался бы, что она не спала ни минуты и что внутри неё рушится мир. Она прошла к своему рабочему месту — стеклянный стол у окна с видом на реку, — и принялась разбирать бумаги, механически отмечая что-то в ежедневнике. Работа всегда спасала её. Работа была её убежищем.

Около полудня дверь кабинета Воронцова открылась, и он вышел, окружённый свитой из трёх помощников. Он говорил что-то о сроках проекта «Феникс», о встрече с инвесторами, о необходимости пересмотреть бюджет. Голос — ровный, властный, привыкший отдавать приказы. Ева не подняла головы, но всем телом ощутила его приближение. Он остановился у её стола.

— Ева Андреевна, — произнёс он, и она наконец посмотрела на него. Он был безупречен, как всегда. Тёмно-серый костюм, белоснежная рубашка, запонки из чёрного оникса. Ни единой морщинки на лице, ни единого признака бессонной ночи. — Ко мне в кабинет. Через десять минут.

— Да, Александр Дмитриевич, — ответила она ровно.

Он кивнул и пошёл дальше, а она осталась сидеть, чувствуя, как под ложечкой собирается тугой комок. Десять минут. У неё было ровно десять минут, чтобы собраться. Она глубоко вздохнула, поправила волосы и направилась к лифту.

Его кабинет занимал весь сорок пятый этаж. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на Москву с высоты птичьего полёта. Тёмное дерево, кожа, металл — всё здесь говорило о власти и безупречном вкусе. Когда она вошла, он стоял у окна, спиной к ней, глядя на раскинувшийся внизу город. Дверь бесшумно закрылась за её спиной.

— Присаживайся, — сказал он, не оборачиваясь.

Она села в кресло напротив его стола, положив руки на колени. Спина прямая, подбородок чуть приподнят. Она не позволит ему увидеть, что творится у неё внутри.

Он обернулся. Секунду смотрел на неё, и в его тёмных глазах промелькнуло что-то, похожее на удовлетворение.

— Ты прочитала, — сказал он. Это был не вопрос.

— Прочитала, — подтвердила она.

— И?

Она молчала. Слова застревали в горле. Она не хотела признавать, что он был прав. Не хотела давать ему это удовлетворение. Но и врать себе больше не могла.

— Документы выглядят подлинными, — сказала она наконец, тщательно подбирая слова. — Но это ничего не доказывает. Вы могли подделать их. Вы могли...

— Ева, — перебил он мягко, и этот тон был хуже любого крика. — Прекрати. Ты умная женщина. Ты проверила каждую бумагу, каждую подпись, каждый счёт. Ты знаешь, что они настоящие.

Он подошёл и сел на край стола прямо перед ней, так близко, что она почувствовала тепло его тела. Она откинулась в кресле, увеличивая расстояние, но он словно заполнил собой всё пространство.

— Твой отец был не жертвой, — продолжил он, и голос его стал тише, почти сочувственным. — Он был пешкой. Демидов использовал его как прикрыtie. Когда схема начала разваливаться, он подставил твоего отца. А я... — он помолчал, глядя куда-то мимо неё, — я не смог его спасти. Я мог либо покрыть его и утонуть вместе с ним, либо дать ему упасть. Я выбрал второе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.